

Элиас Отис

ДАО ОГНЯ

и другие эссе

Содержание

Дао Огня	- 4
Прикосновение	- 12
Разговор с Тенью	- 15
Десять Шагов Заблудшей Овцы	- 16
Ты Умеешь Летать!	- 19
Гимн Огню	- 20

ДАО ОГНЯ

Я, Элиас Оттонир Фарли Отис, пишу на стыке Эпох. Слово мое — к тебе, Альтер Отис, чувствующий силу, но не видящий Путь, и к тебе, Отис, видящий Путь, но не знающий корни, и к тебе, Альтер Отис, ждущий своего часа, и к тебе, Альтер Отис, размышляющий о сути. И к тебе мое слово, Альтер, даже если ты не из Дома Огня, но Огненный Путь небезынтересен тебе, и даже к тебе, человек, желающий стать Альтером этого мира или просто Ищущий Путь. Читай, и найдешь то, что здесь есть; ищи, и найдешь то, что хочешь найти, вникай, и найдешь иное, — то, что ищет Идам твой, Дух твой.

Вселенная множественна в своей Истине, ибо истинно всякое ее описание, не имеющее внутренних противоречий и не могущие быть опровергнутым. Так вижу Истину я, Элиас, несущий в себе Пламя Отгаэ: она явилась мне в воспоминаниях о древних воплощениях, в откровениях Отгаэ и Древних Богов. Запись исказила Древнюю Истину, как и все другие записи, бывшие раньше и будущие потом, но часть ее осталась нетленной, ибо это описание вмещает в себя и многие другие. Не спорю: есть и другие Пути, и среди них немало тех, что не менее действенны; не спорю: есть и другие Писания, и в них найдется немало того, что истинно, и того, что интересно, и того, что священно; но мой Путь — Путь Огня, и моя история — история Альтеров Отис.

Слово мое к тебе — гатхи и притчи, писания и наставления: одни помогут телу, другие помогут Духу, третьи развлекут долгой ночью, иные же брось в печь, чтобы согреться холодной зимой, ибо в Огне больше пользы и святости, чем в словах. Не огорчусь, если вся Книга окажется в печи, ибо я служу Огню, как и Огонь служит мне: я и Огонь едины, и что хорошо Огню в теле Его, то хорошо мне в Духе моем. Но если хоть одно слово из всех, написанных мною, придется тебе к Духу, то триж-

ды рад буду, ибо это — от Огня: что хорошо Огню в Духе Его, то трижды хорошо мне в Духе моем.

Не пытайся поверить: вера — плод лукавый, и дар ее — рабство, если вера твоя — не из сердца твоего. Не старайся изучить: одно далеко от тебя, и глаз твой не найдет его; другое — только образ, а стоит ли говорить миражу, что пальма не устоит на песке? Иное же из написанного ясно и для тебя, как для меня: ты видел Огонь, пожирающий древо, и это не новость для тебя; а иное — мое мнение, или предположение, или догадка: у тебя — свои, у меня — свои.

Я, Элиас Оттонир Фарли Отис, пишу в городе Гвангесте-Кенигсберг-Калининград Слово Огня, которое начало открываться мне восемь лет назад и ныне записывается мною; сии же слова я пишу в году двухтысячном, как считают это в том народе, среди которого я живу. Да пребудут с тобою Дух Огня и мое благословение, и да будет Дух Пламени Духом твоим, и Дух твой — Духом Пламени!

Внимай, Хранитель Огня, брат мой! Внимай, Хранительница Огня, сестра моя! Я — Элиас Оттонир Фарли, князь Альтеров Дома Отис, жрец Огня: Дух мой — от Духа Огня, плоть моя — плоть от плоти человеческой, в голове моей — разум Альтера, сердце мое — Сердце Волка.

Ладонь моя касается сердца; ладонь моя касается лба; ладонь моя пуста и открыта: она вскинута навстречу тебе. Салют тебе, брат мой! Салют тебе, сестра моя! Сердце мое и разум мой — открытая ладонь для тебя. Так и ты салютуй при встрече братьям своим в Пламени и сестрам своим в Пламени: ты чист, а значит, пуст, ты пуст, а значит, прозрачен.

Ладонь моя касается лба; ладонь моя касается сердца; ладонь моя открыта и пуста: она протянута навстречу твоей ладони. Приветствую тебя, сестра моя! Приветствую тебя, брат мой! Разум свой и сердце свое вверяю те-

бе в руки! Так и ты приветствуй при встрече братьев своих в Пламени и сестер своих в Пламени: твой разум — в руке брата твоего, сердце его — в твоей руке; твое сердце — в руке сестры твоей, и разум ее — в твоей руке.

Гатху даю тебе, Хранитель Огня: не для разума, ибо она прозрачна, и не для сердца, ибо она пуста: для Духа, ибо он чист.

*Не имей никаких привязанностей;
не имей совершенно никаких привязанностей;
а теперь забудь, Хранитель, что я сказал тебе,
дабы не привязываться к тому, что я тебе сказал.*

Такова первая гатха, которую я даю Духу твоему, и благ ты, если постиг ее; вот же другая гатха тебе.

*Есть одна Истина, единая для всех:
ее суть в том, что Истина у каждого своя;
и даже эта Истина, которую я называю всеобщей,
есть всего лишь моя Истина, Хранитель.*

Такова вторая гатха, которую я даю Духу твоему, и благ ты, если постиг ее; вот же другая гатха тебе.

*Мгновение, которое наступит,
когда ты закончишь читать эти строки, Хранитель,
будет уже в далеком прошлом тогда,
когда они достигнут твоего разума.*

Такова третья гатха, которую я даю Духу твоему, и благ ты, если постиг ее; вот же другая гатха тебе.

*Я принял мир таким, какой он есть;
я ничего не желаю и ни о чем не жалею;
теперь на земле, под землей и на небе нет силы,
способной причинить мне хоть малейший вред.*

Такова четвертая гатха, которую я даю Духу твоему, и благ ты, если постиг ее; вот же другая гатха тебе.

*Я поклоняюсь Богу Огня,
когда хочу раздуть тлеющие угли;
я поклоняюсь Богу Воды, когда хочу напиться из ручья;*

*я поклоняюсь даже домашним тапочкам,
когда хочу надеть их;
во всем мире не найдется божества надо мною!*

Такова пятая и последняя моя гатха ныне, и благ ты, если ни одна из них не минула тебя; ежели же слова мои оказались туманными для тебя, не теряю веры в тебя и вручаю ключи.

Первым словом сказал я, что привязанности — оковы для разума и сердца; ты же должен парить птицей, но если полет для тебя — оковы, пусть сердце твое подскажет тебе Путь вне полета.

Вторым словом сказал я, что утверждающие тебе свое слово за Истину лгут или заблуждаются; но и я — не больший из них, а потому если и мое слово идет вопреки сердцу твоему, слушай сердце, а не меня.

Третьим словом сказал я, что время вчерашнее и время завтрашнее — все пустое: вспоминая Вчера, ты думаешь сегодня, и мысля о Завтра, ты думаешь сегодня; потому мгновение — в твоей руке, и в нем — Вечность.

Четвертым словом сказал я, что Жизнь мне не в тягость и Смерть не в страдание: все, что есть в мире, то благо для меня.

Пятым словом сказал я, что ты — для мира, как и мир — для тебя: служи богам, пока и они служат тебе; но горе им, если они забудут тебя: тогда место им — в пыльных свитках и развалинах храмов, Дух же свой держи чистым от них!

Эта гатха — особая из всех, ибо в ней — вся суть религии; потому вот тебе еще слово о том же.

Жил некогда один благочестивый монах, познавший суть мира и веры и слывающий образцом милосердия и богопочитания. Когда же в лесу на него напали разбойники, то он помолился в сердце своем богу своему, обещавшему райские кущи за смирение, и убил разбойников тяжелой иконой. Другой же монах, попав к разбойникам, помолился в сердце своем богу своему и, сложив руки

жестом смирения, принял смерть от разбойников; и церковь его назвала его святым, и сложила кости его в золотой ларец, и паломники сходились помолиться на них. А о первом монахе церковь забыла; но дважды свят он был, потому что был свят и жив.

Теперь послушай иную притчу, Хранитель: о привязках, Истинах и мгновениях.

Как-то раз один жрец собрал своих учеников и спросил их: «Знаете ли вы, братья, что есть Истина?» «Да», — ответил один ученик. За это жрец ударил его своим рунным посохом и повторил вопрос. Второй ученик сорвал растущий рядом цветок и протянул его жрецу. «Повтори, что сказал этот святой человек», — обратился жрец к первому ученику. Тот тоже сорвал цветок и протянул жрецу, за что жрец снова ударил его посохом. «Повтори, что ты сказал», — попросил жрец того ученика, что первым отдал ему цветок. Ученик выхватил цветок из рук жреца, швырнул его на землю и растоптал. Тогда тот ученик, что дважды получал посохом по спине, поднял цветок с земли и нежно расправил его лепестки. «Теперь и ты свят», — улыбнулся жрец.

А вот и еще одна притча тебе, Хранитель: о том, что ты совершенен, пока не возжелаешь совершенства.

Одна Обезьяна узнала как-то, что человека сделал из обезьяны труд. Тогда Обезьяна так усердно принялась трудиться, мечтая стать человеком и стремясь к этому, что надорвалась и умерла.

Оставайся и ты собою в этом мгновении, Хранитель, пока Дух твой не стал иным в мгновении ином, снова единственном! Свят ты, Хранитель, если постиг, что я говорил тебе; и трижды свят ты, если постиг в моих словах то, чего я не говорил: ибо личность твоя бесценна, и Истина твоя — единственная для тебя.

Ты — Майтрея, Христос и Саошиант: нет для тебя другого Спасителя, кроме тебя, Альтер Отис; не жди иного вне себя, ибо другие придут, чтобы спасти себя,

вести за собой слабых и направлять стопы Ищущих, но не ведающих Пути в сердце своем.

Ты — Аллах, Иегова и Горус: да не будет у тебя иных богов, кроме тебя, Сын Огня; не ищи их ни на небе, ни на земле, ибо другие пастыри пасут свои стада вдали от жилища сердца твоего, которое укрывает тебя, и дорог твоего разума, которыми ты ходишь.

Ты — Сатана, Мара и Иблис: не было со времен Первозданного Хаоса никого более, кто искушал бы тебя злом и оплетал иллюзиями; не вини никого, кроме себя, в своих бедах и несчастьях или в невежестве и немощи, ибо Дух твой, который владеет твоим истинным Именем и Лицом, всезнающ и всемогущ, и потому счастье твое и несчастье твое в его руках, которые есть твои руки.

Да и подумай, Альтер: нужно ли тебе спастись, когда ничто вне тебя не в силах причинить тебе вред, если на то не будет твоего разумного желания или неосознанного попустительства? и нужно ли тебе освободиться, если никто не в силах закабалить и поработить тебя, когда ты изначально свободен и желаешь оставаться свободным в Вечности? Разве что Просветление твое можно назвать Освобождением, ибо когда ты понял, что совершенен и свободен, то стал воистину равен Древним Богам; и совершенствование твое можно назвать Спасением, ибо и Совершенный становится совершеннее, когда не стремится к совершенству, а знает, что изначально совершенен, и живет в согласии со своим знанием.

Тебе говорят: «Соблюдай Закон отцов твоих, и размножу весьма потомство твое»; а иные говорят: «Верь в то, что Спаситель твой умер за грехи твои, и получишь Жизнь Вечную»; и говорят еще третьи: «В действии твоём страдание твое; отрекись от деятельности, отринь плоть свою, и тогда найдешь высшее блаженство в сиянии Нирваны»; и много других еще есть, которые говорят тебе: «делай то и не смей делать этого», — суля награды и грозя карами: так приноси жертву и то не ешь,

верь в тех и не сотвори иных в своем сердце. Но кто они такие, чтобы говорить тебе, что тебе есть и во что тебе верить, Альтер Отис, если сердце твое хранит Высшее Откровение твоей единственной Истины, какой бы она ни была для тебя? Разве Моисей живет в сердце твоем, чтобы знать, что для тебя добро, а что зло? Разве Гаутама Шакьямуни вдыхает воздух твоими легкими и принимает пищу устами твоими? И разве Господь Шри Чайтанья говорит тебе, на какую кочку поставить тебе стопу свою, дабы не оступить в болоте? Но коль скоро они позволяли говорить тебе, что тебе делать для того, чтобы спастись, то и я, имея свою Истину, позволю себе указать Путь для тебя, если ты еще не встал на собственный.

Слушай, Альтер Отис, что я скажу тебе о твоём Спасении и о твоём Просветлении, и пусть глаза твоего сердца скажут тебе, может ли мой Путь стать близким твоему Пути.

Два рода желаний живут в разуме твоем, как и в разуме человеческом: одни первичны и идут от сердца твоего, другие вторичны и возникают в твоём разуме или привнесены из чужого, дабы ты имел возможность удовлетворять те желания, что идут от сердца. И если ты хочешь есть и пить, и тогда ешь и пьешь, то исполняешь желания первого рода; но когда ешь, потому что другие вокруг тебя едят, или пьешь, потому что после еды положено пить, то это желания второго рода. Так и с другими желаниями: когда пишешь от желания писать, это одно, а когда для того, чтобы прославиться, или заработать, или потому, что и отец твой писал, иди потому, что мать велела тебе писать, то это совсем иное. И говорю я тебе, Альтер Огня, что идущее от сердца твоего большее благо для тебя, чем то, что не от него; но нет способа узнать, какое желание откуда, иначе, чем через сердце твое, ибо то, что от сердца у тебя, может быть не от сердца у другого; а потому учись слушать голос сердца твоего и больше делать то, что от него, а то, что не от него —

только по мере надобности, которую пусть определит для тебя Огонь, живущий в твоём сердце. И если сердце твоё велит следовать Закону Моисея, или исполнять Четыре Праведных Действия, или почитать Священную Корову, — то такая вера будет истинной для тебя, ибо идет от сердца, а все, что идет от сердца, есть Счастье.

Но горе тебе, если все свои «хочу» ты заменишь множеством чужих «надо», ибо тело твоё будет тогда в разладе с сердцем, а сердце — с разумом; а можно ли быть счастливым в разладе с собой? Протоптаный путь надежен, но не приведет тебя к открытию уголка заповедного и земли твоего обетования. Оставь поклонение богам и кумирам и следование тропами Учителей, живых и мертвых, тем, кто слаб и думает, что греховен: они получают свою надежду на Спасение и нисшествие благ от своих богов взамен Высшей Благодати и Истинной Свободе; их риск затеряться в Бездне Хаоса ничтожен, но столь же ничтожна для них и возможность возвыситься над Бездной и встать вровень с Древними Богами.

Иначе у тебя, Альтер Отис: твои желания едины с твоими действиями, и разум твой един с твоим сердцем, и то, что зовется добром, то же для тебя, как то, что зовется злом; Жизнь и Смерть — одно для тебя, как и ты — одно со Вселенной. Бесконечно совершенствуясь в своём бесконечном совершенстве, ты обретишь все, что пожелает твой Дух, Идам твой: возвысишься над миром и, став подобным Творцам Миров, создашь свою Вселенную и будешь управлять ею согласно своей мудрости.

ПРИКОСНОВЕНИЕ

Искрящими светляками пляшут на пологих склонах осторожных прибрежных волн невесомые золотистые отблески зенитного солнца. Пенное руно кудрявых морских барашков, прорываясь сквозь прогретую терпеливыми лучами терпко-соленую воду, вспыхивает на гребнях, чтобы накрыть белоснежным пледом осклизлый гребень волнорезов, поросший волокнистой зеленью водорослей, серовато-бурый песок, усеянный ракушечьей россыпью и разноцветными крапинами окатышей, тонущие в песке и тине валуны и сверкающие солью и влагой головы купальщиков, радостно и безрассудно, вопреки ненавязчивой заботе голоса пляжного репродуктора, заплывающих за спасительную полосу ограничительных буйков. Озорной смех мальчишек, шумно кидающихся в морскую прохладу с разгоряченного полднем пляжа, и веселый визг осторожно пробующих ножками воду девочек, застигнутых врасплох столбами взметнувшихся брызг, обжигающим холодом лежащих на свежий загар, мешаются с умиротворенным шепотом волн и редкими пронзительными криками чаек, скользящих по выжженной смеющимся южным светилом синеве.

Он сидит на сухом и рассыпчатом, прогретом солнцем скрипучем песке — трехлетний мальчуган, один из сотен таких же — и все же совершенно другой, один из сотен таких же *совершенно других*, — невольный пока еще паломник теплого-теплого и синего-синего, совсем не черного Черного моря, нечаянный гость раскинувшегося на его берегу, разомлевшего на солнцепеке города с певучим и ласковым, как шелест волны, именем Од(oooooooooooooод, — поет на вдохе волна, мимолетно вздымаясь из хрустального чрева моря)есса(эээээээээсссссссссссссссаааааааааааа, — заканчивает она на выдохе, нежно сочась в ноздреватый песок побережья). И он, невольный паломник, нечаянный

гость, совсем не думает сейчас о другом городе, неуловимо похожем на этот пестротой и разношерстностью струящихся по нешироким улочкам толп, запахом моря, неясным предчувствием непонятной пока свободы и серебряными чайками над головами, — о городе, давшем ему жизнь и ждущим его, может быть, в этот день и в этот миг, пока он, беззаботный и молочнотупый, копошится играючи в тонкоструйном горячем песке. Еще минутою назад он неуклюже плескался и бултыхался под огнестрельным присмотром бдительного родительского ока; теперь, обсохнув и заискрившись соляными кристалликами, наедине с собой и с солнцем, он не по возрасту сосредоточенно созерцает суету сноровистых муравьев и головокружительные виражи небесных чаек, цветные купола пляжных «грибов» и мелкие зернышки льющегося сквозь чуть растопыренные пальцы песка, меловую белизну испещренных ровными бороздками ракушек и буро-шелушающую кору приземисто-кривого деревца, неожиданной волею судьбы проросшего на серо-желтом песке.

Антрацитово-черный, закованный в матово сверкающий хитин доспехов жук, лениво цепляясь крючковатыми лапками за коричневые чешуйки коры, ползет по двойному изгибу шершавого ствола и замирает на уровне мальчишечьих глаз. «Здравствуй,» — беззвучно говорит жук. «Привет,» — так же молча отвечает мальчик и растворяется в фасеточных кристаллах глаз своего чернопанцирного гостя. И становится жуком. И чешуйчатой древесной корой. И горячим приморским песком, породившим бурый изгиб ствола. И суетливыми муравьями, и крикливыми чайками, и мелово-белыми ракушками. Своей матерью, своим отцом, своим братом. Пляжниками и купальщиками. Линией волнорезов и полосой ограничительных буйков. Раскаленным полуденным солнцем и приятной прохладой моря. Пенными барашками на гребнях набегающих волн и предупредительным голосом

хрипловатого репродуктора. Ржавеющим комбайном на неосвоенной целине и алым блеском кремлевских звезд. Полосатым пограничным столбом и вершиной Монмартра. Трубным гласом индийского слона и фосфорическим светом в глазах глубоководных рыб. Калифорнийским торнадо и фонтанирующей лавой. Тибетским нагорьем и лунными кратерами. Мечом умирающего викинга и победным ревом саблезубого тигра. Ядром Земли и поясом астероидов. Северным сиянием и двенадцатью созвездиями Зодиака. Квадратурой круга и действующей моделью *perpetuum mobile*. Коллапсирующей «черной дырой» и Туманностью Андромеды. Электронной оболочкой тяжелого водорода и границей разбегающейся Вселенной.

Собой.

Лишь одно неуловимое мгновение — целую вечность — длилось это умопомрачительное единение с собой и с миром. Несфокусированное сознание малыша привычно проскользнуло мимо еще одного открытия на фоне тысяч других, подобных ему, бесподобному: вынырнув из сладкого плена фасеточных глаз, он рассмеялся беспечно в лицо черному усачу и продолжил неторопливую игру с горячим одесским песком, тут же забыв о промчавшейся сквозь него Вселенной.

Но Вселенная — нежная, как мать, и по-отцовски грубоватая Вселенная — не забыла о нем, прошедшем путь, слишком короткий для нее, но все равно слишком длинный для трехлетнего карапуза — путь, начатый им задолго до того, как крохотным слизистым комочком притаился он в уютной материнской утробе, — и с этого дня одинокая Звезда освещала его радостное одиночество и сотни троп и дорог, раскинувшихся перед ним и ведущих с далекой, неведомой ему пока Цели...

РАЗГОВОР С ТЕНЬЮ

«— Я твой враг! — говорил он мне.

— Я поздравляю тебя с этим, — отвечал я.

— Я пришел сюда, чтобы погубить мир! — вещал он.

— Надеюсь, все твои мечты сбудутся, — уверял я.

— Я ложь и отец лжи! — заверил меня мой собеседник.

— Воистину так, — согласился я с ним.

— Смерть и разрушение принес я в мир! — поведал он.

— Спасибо: этим ты обогатил мир, — поблагодарил его я.

— Человечество проклято мною! — признался он.

— Давай насладимся этим вместе с тобою, — предложил я.

Он не воспользовался моим предложением, и наша ненужная беседа продолжилась.

— Пусть возбоятся меня народы земные!

— Пускай, если они хотят этого.

— Служащие мне да окажутся в Геенне Огненной!

— Ты прав: служить не стоит никому.

— Принимающие меня не получают безмятежной жизни в Раю!

— Я рад этому: ведь безмятежная жизнь — это так скучно!

— Я есть абсолютное Зло!

— Я тоже. И — абсолютное Добро.

— Всякий служитель Добра ненавидит меня! — из последних сил возражает он.

— Я люблю тебя, — улыбаюсь я ему в ответ.

...И тогда Дьявол оставил меня и вернулся туда, откуда пришел. В мое сердце». —

ТАК РОЖДАЛСЯ НОВЫЙ БОГ.

ДЕСЯТЬ ШАГОВ ЗАБЛУДШЕЙ ОВЦЫ

(Путеводитель)

Пролог. СТАДО

[Пустая страница: в стаде молчат или блеют.]

Шаг первый. ОСОЗНАНИЕ

В стаде тепло, но тесно; скучно, но безопасно. Впереди стада — козел: то ли ведет за собой, то ли убегает, чтобы не быть затоптанным. Позади — пастух: то ли подгоняет, то ли пытается не отстать.

Есть траву надоело, но больше — нечего. На лугу противно, в лесу — страшно: говорят, там — волки. Может, просто пугают?..

Идешь вместе со всеми — так удобнее, — но нет-нет да и пробежишь пару шагов по нетоптаному, на самом краю; нет-нет да и бросишь тоскливо-испуганный взгляд в сторону неведомого леса. Невольно задумываешься: куда ведет козел? откуда пришел пастух? зачем тебя стригут и что такое — шашлык?

Шаг второй. БУНТ

Улучив момент, отстаешь на шаг. Стаду плевать, но пастух не дремлет: как бы любя, подхватил и подтолкнул к стаду, чтобы не отбилась, не пропала. Опять затерялась, но он тебя не забыл: впредь будет внимательнее.

Отходишь в сторону, идешь по краю луга: лес пугает неизвестностью, в стаде нечего делать. Шаг влево, шаг вправо: мечешься между этим и тем. Овцы косятся: куда ты — от тепла и беспечности?..

Тебе на овец — плевать!

Шаг третий. ПОПЫТКА

Пока дремал пастух, рванула в лес. Ступила на мох, вдохнула ароматы леса вперемешку с запахом страха, — и сразу назад, пока не проснулся пастух!

Шаг четвертый. ПОБЕГ

Стадо больше не властно над тобой! Не бывает никаких волков! Пастух тебя не найдет: ты одна в лесу, Ты Одна Во Всем Мире!

Как прекрасна свобода! Трава здесь чище, чем на лугу; ночью прохладно, но в загоне не видно звезд; даже в том, что тебе самой приходится прокладывать себе тропки, ты видишь необъяснимую прелесть. Тебе становится жалко тех овечек, что тупо плетутся за глупым козлом, уверенные в том, что хоть пастух точно знает, что к чему.

Ты носишься по лесу, счастливая, и бляенье превращается в песню без слов. Венки лесных цветов сами вплетаются в твою шерсть, и птицы — раньше ты никогда не слышала птиц! — поют только для тебя.

А громкий жалобный вой, который ты слышишь лунными ночами — это, наверное, тоже песня — какой-то, неизвестной тебе, птицы...

Шаг пятый. СТРАХ

Сегодня ты видела в лесу обглоданные овечьи кости. Значит, волки — это все-таки не сказка... Ты целый день и целую ночь продрожала в кустах, а когда изголодалась и осмелилась высунуться, решила: нет, эта жизнь — не для меня! пора назад, в стадо!

Шаг шестой. БЛУЖДЕНИЯ

Родной луг потерян: ты не помнишь, как вернуться назад. Ты бродишь по лесу, шарахаясь от каждой тени. В твоей шерсти застряли колючки. Иногда ты голодаешь, иногда наедаешься так, что не можешь двигаться.

Твоя шкура уже не такая кудрявая, как раньше; теперь она не белая, а почти серая. Ты уже не скачешь беззаботно по травке, не поешь веселые песенки: твои бока

исцарапаны буреломами, ноги гудят от усталости. Мир стал черным, и лишь луна по-прежнему светла.

Шаг седьмой. КЛЫКИ

У тебя начинают прорезываться клыки.

Шаг восьмой. НЕВОЗВРАЩЕНИЕ

Ты находишь, наконец, стадо, которое покинула! Счастливая, ты бежишь навстречу таким родным, таким милым и таким знакомым овечкам, готовая расцеловать их пыльные щечки, — но они шарахаются от тебя, как от призрака. Пастух хватается за кнут, и ты, поскуливая, уползаешь в чащу: твою спину пересекает кровавый рубец.

Ночью ты воешь на луну.

Тебе не вернуться назад!

Шаг девятый. ХИЩНИК

Ты — в крови убитых тобою овец. Ты — в свете солнца и блеске луны. Ты — в прицелах охотников, ждущих тебя за рекой. Ты наслаждаешься болью в ободранной спине и уставших ногах. Ты знаешь цену каждого шага: ешь, когда голодна, спишь, устав от погонь, и песни слагаешь звездам.

Шаг десятый. ЕДИНЕНИЕ

Ты растворяешься в травах. Вливаешься в стадо травой. Становишься волком, охотником, ветром. Землей и водой. Становишься пламенем. Где ты? — Ты — Здесь; Ты — Везде; Ты — Нигде. Имя Тебе — Пустота: Пустота не имеет имен. Есть что сказать, но для этого не придумано слов. Вместе со всеми и против всех — это не для тебя. Ты — Вне и Над.

Наконец-то ты стала — СОБОЙ!

Эпилог. ПУСТОТА

[Пустая страница: Молчанье — Удел Пустоты...]

ТЫ УМЕЕШЬ ЛЕТАТЬ!

Ты умеешь летать! Черные перепончатые, пестрые чешуйчатые и сизые, покрытые перьями, — это все твое! Распахни их, почувствуй напряжение ветра на их кончиках, вдохни полной грудью нависшие над тобой Небеса — и вперед! С места, с утеса, с разбега. На восходящих — вверх, на нисходящих — вниз. Тебе не нужна тренировка: ты РОЖДЕН для полета! Только скажи себе: я — ЛЕЧУ!

Ты умеешь летать! Синяя бездна над твоей головой — это НЕБО, а белые ленивые увальни, избегающие крутых виражей — ОБЛАКА. А вот и твои собратья, такие же крылатые. Они, как и ты, рождены на земле, а ведь смотри-ка — летят! Кто быстрее, кто медленнее, кто выше, кто ниже, но они — в Небе! А теперь взгляни вниз, туда, где струится, не зная преград, твоя невесомая тень. Видишь? — там кипит суета, там копошатся те, кто еще не познал тайны Полета. Эй! — крикни им свысока. — Давайте все сюда! Вы ведь тоже — МОЖЕТЕ!.. В Небо летят камни и плевки, но ты легко поднимаешься выше. Попасть в тебя с земли им не дано, а когда они поднимутся, чтобы достать тебя в Небесах, то оглядят синекрылое пространство, и удивятся, и восхитятся, и улыбнутся, и забудут о тебе, поняв, что они — ЛЕТАЮТ, и что летают — ОНИ.

Ты умеешь летать! Тебе говорили, что отсюда можно упасть, что это — расплата за гордость, оторвавшую тебя от земли. Но это и есть доказательство того, что ты — В НЕБЕ! И счастье Паденья — в осознании способности ЛЕТАТЬ! Даже облако, ленивое облако, может упасть дождем в знак причастности к Небу. Даже птица, упавшая с Неба, способна поднять Крылатых. Тот, кто упал, уже сделал свой шаг на пути к Вечным Крыльям Вечных Небес. Тысячи лет на земле не стоят мгновенья Полета, даже если имя Полету — Паденье!

Ты Умеешь Летать!

Лети, Крылатый!..

ГИМН ОГНЮ

Ты — Отгаэ, Огонь вечный-неугасимый, Бог умирающий и воскресающий, Третий Элоир, Сумерками рожденный, Свет породивший, ласковый и жестокий, греющий и сжигающий, губящий и рождающий, освещающий путь и слепящий глаза! Призван из Бездны, руками Архонта из плоти Мира слеплен. Оглянись! царство Твое безгранично, сила Твоя велика, облики Твои нечислимы, имена бесконечны. В Тебе рождаются и гибнут вселенные, Тобою дышат звезды и недра земные. Ты дремлешь в осколке кремня и в крупице серы, блещешь молниями, бушуешь потоками лавы.

Тебе, единственному из Богов, небезразличны жертвы: не жрецы и священники, но Сам Ты пожираешь приношения, и готов взять то, что Тебе не подносилось. Ты же, единственный, благоволишь к приносящим Тебе дары и равнодушен к мольбам забывающих о Тебе. Вот жертвенник мой Тебе из плоти Твоей: поднесу Тебе дар от духов живых, и Ты приготовишь мне пищу для желудка моего.

Лучшее даю Тебе: к колыбели Твоей поднесу сухое от древа — щепку ли, кору ли, бумагу ли; для жара возложу поленьев, хвою да сено дам для пламени, траву же свежую да шишки приберегу для дыма. Не пожалею для Тебя, расцветшего, жертву от бегающих, ползающих, плавающих и летающих, ни пищи со своего стола, ни прядь волос, ни иного чистого, что Тебе по вкусу. Камень же, стекло ли, металл ли, — сии же — не в дар Тебе, но для своей пользы, если понадобится, оставлю в жертвеннике: да не осквернится ими Дух Твой, ибо они — от Духа Земли! То же, что не от Духа Земли и не от духов живых — головой человеческой измысленные и руками людскими сделанные сущности, лукавые и нечистые, — не дам Тебе, дабы не осквернить Тебя и не навредить тому, что вокруг, — разве только когда Ты в силе и ярости, что сделаешь чистым и то, что нечисто; да и

тогда не сделаю этого, не посоветовавшись с Тобою. Вещества же горючие — жидкие ли, сухие — лишь для того, чтобы помочь Твоему рождению, смею поднести, да еще для услады глаз, — но не обращусь к Тебе с просьбою о пище для тела и помощи для Духа, пока не выветрится дым их: ни к телу Твоему, ни к Духу Твоему не обращусь дотолѐ.

Пред Тобой, единственным из Богов, не стыжусь преклонить колени: дыхание мое неслышно, когда сливается с Твоим, и Ты отвечаешь жаром и треском, да голосом трубным. Непокрытой рукою коснусь поленьев и веток на Твоем ложе: рука без перчатки чиста, как мое сердце, и Ты не тронешь меня, видя мою открытость. Тело мое и жертвы Тебе — вот то, чем возвожу жертвенник Тебе: прутом железным не ворошу поленья в своей любви к Тебе, ибо любовь немислима без уважения, а уважение — без доверия; так и Ты не тронешь меня, видя любовь, ценя доверие и зная, что нет во мне страха и сердце мое чисто.

Ты — Хранитель Жизни: Ты ведаешь, что обряды — ничто, если жизнь проходит мимо. Потому не оскорбишься, когда я согреюсь Тобою зимой, приготовлю пищу, убью врага, отпугну зверя, сожгу ветошь, позову подмогу, обрадую глаз, укажу путь, закалю сталь, растоплю снег, освещу ночь, освящу нож, призову силу, обожгу глину.

Что согреет кострище, когда нет Тебя? Ты и жертвенник едины, как едины Дух с телом и я с миром. Мой Дух в Тебе, и Твой Дух — во мне: я погибну без Тебя, дающего тепло и пищу, Ты погибнешь без меня, заботящегося о Тебе. Как я помогаю Тебе в теле, подкладывая дрова, так и Ты поможешь мне в теле и для тела; как я помогаю Тебе в Духе, проповедуя Тебя, так и Ты поможешь мне в Духе и для Духа.

Приятны для дыхания Твоего сера и перья, багульник и чабрец, мята и полынь, хвоя и волосы; пусть будут они приятны и для меня, когда я дарю их Тебе. Над пламенем закаляю руки, чтобы сила Твоя заструилась по

жилам моим. Рунный посох и жертвенный нож, или иное что, данное мне Идамом моим как Предмет Силы и не боящееся дыхания Твоего, пройдут через Тебя, и через Воздух, и через Воду, и через Землю, и лишь тогда сольется Дух их с Духом моим. Амулет волосяной и кошель меховой, или иное что, данное мне Идамом моим как Предмет Силы, но боящееся дыхания Твоего, пройдут через дым Твой, и через Воздух, и через Воду — или орошены Водой будут, — и через Землю — или встретятся с Землею, — и лишь тогда сольется Дух их с моим Духом. А для большей силы капля крови моей оросит их, и плоть от плоти моей Тебе в дар отдам: кровь ли, волос ли.

А если для кого другого прошу у Тебя, плоть от плоти их заменят или дополнят плоть от плоти моей. А если нет плоти от плоти того, для кого, или за кого, или о ком прошу у Тебя, то сойдет вещь его или изображение его; но да будут чисты мои помыслы, когда прошу о других! Для помощи Твоей в делах мирских преломлю Тебе пищи со своего стола, как равному, чтобы Дух Твой хранил меня и помогал мне. Отходами же и нечистотами не оскверню Тебя, разве только будет к этому особая нужда. А ежели понадобится мне, чтобы Ты на Путь наставил, или в беде помог, или верный совет дал, — в Неделю Равноденствия или в Неделю Солнцестояния подарю Тебе волосы со своей головы и смешаю их дыхание с дыханием трав благовонных, обращаясь к Тебе в сердце своем: чистоту моего сердца увидишь и поможешь мне в Духе своем, если и мой Дух не будет безмолвствовать. И если что иное понадобится мне, знаю, что в языках Пламени увижу ответ.

Не обращаюсь к Тебе, Огонь предначальный-вечный, пронизывающий Вселенную, ибо высоки Твои мысли: что им до мира проявленного? Не обращаюсь к Тебе, живущему в звездах: далек Ты, и Земля прейдет уж, пока зов мой достигнет Тебя. Не обращаюсь к Тебе, Сварог солнечный: своим путем следуешь Ты в пространстве, и не отвлечешься от него ради меня. Не обращаюсь к Тебе,

молниеподобный, ибо стремительна жизнь Твоя: миг — и нет Тебя. Не обращаюсь к Тебе, прячущемуся в недрах, таящемуся в жерле вулкана, ибо выходишь Ты в великом гневе, не внимая ни любящим Тебя, ни проклинаящим Тебя. Не обращаюсь к Тебе, обитающему в печи: Тебя творят, чтобы согреться и насытиться, и убивают, когда сыты и согреты; Ты ли, разожженный для плоти, поможешь мне в Духе?! Не обращаюсь к Тебе, едва тлеющему, искроподобному, ибо что Ты можешь, пока мал и слаб? Не обращаюсь к Тебе, полыхающему пожаром, ибо не до просьб Тебе, неистовому, и мне, спасающему свою жизнь; да и если бы Ты захотел, уже не в силах был бы остановиться, ибо ветер гонит Тебя, а пища Твоя сама находит Тебя. Не обращаюсь к Тебе, рождающемуся из газа: Ты призрачен, как и колыбель Твоя, служащая Тебе пищей, ибо вот газ погаснет, — и не останется даже углей от Тебя. Не обращаюсь к Тебе, гремящему взрывами, к Тебе, пляшущему на свече, к Тебе, живущему в торфянике, — но лишь к Тебе, что вырос на кострище, к Тебе, получающему мои дары и дарящему мне приятное тепло; лишь о Тебе забочусь я, и лишь к Тебе обращаю свои просьбы.

Ты рождаешься для того, чтобы жить, живешь для того, чтобы умереть, и умираешь для того, чтобы возродиться; подобно тому и я. Как Ты позаботишься о моем теле, когда Дух мой покинет его, возлагая последнюю жертву на Твой жертвенник, так и я позабочусь о Твоем успокоении в смерти. Терпеливо дождусь Твоего последнего вздоха, или омою Водой, или схороню Землей; ничем нечистым не оскверню Твой прах, углей не разброшаю, камни, стекла, металл или другое что от Духа Земли уберу с Твоего ложа вместе с костями и деревом несгоревшим; но лишь дерево сложу возле одра Твоего, остальное удалю. И место Твое да будет после Тебя таким же, каким было до Тебя: если было кострище, пусть и останется таковым; если был песок, то пепел с песком смешаю и песком засыплю; а если была дерновина, снятая мною для освобождения земли, то дерновиною кост-

рище и прикрою, дабы след Твой и след мой были незаметны.

Не возродишься из пепла сгоревшего, но кремень, стекло или сера возродят Тебя. Так и мой прах развеется, и вот нет его, но Дух вернется, если возникнет нужда: в иной плоти ли, без плоти ли. Ибо как Твой Дух вечен, так и мой.

Пою Тебя, Отгаз, Огонь вечный-неугасимый, Бог умирающий и воскресающий. Пою Тебя, Ариман-Сет-Агни, Сварог и Сварожич, Бог безымянный и безликий, с множествами имен и обликов! Пою Тебя, о ком сказано: «Он был Владыкой Огня, пока Огонь не поглотил Его; потом Он стал Огнем», — ибо я и Ты едины, и Имя Твое — мое Имя, и Дух Твой — мой Дух, и облик Твой — мой облик, и Мир Твой — мой мир, от Начала и до Конца Времен.

«Апокриф». Альманах Ордена «Золотой Зари Запада». Вып. 6.

Содержание вышедших альманахов:

1. Элиас Отис. Ловцы Левиафанов: Откровения Иова Счастливого.
2. Элиас Отис. Дочь Человеческая.
3. Элиас Отис. Магия Астлантэ. Часть 1. Алфавитная магия. Учебное пособие.
4. Элиас Отис. Дхаскар. Из воспоминаний Темного Архангела в отставке.
5. Алан Беннет. Заметки к Книге Бытия. Тренировка Разума. Перевод и комментарии Элиаса Отиса.
6. Элиас Отис. «Дао Огня» и другие эссе.